Alla E. Rudyakova
Candidate of Art History
Associate Professor
Department of History and Theory of Performing Arts
and Music Pedagogy
Saratov State Conservatory named after L. V. Sobinov
e-mail: rudjkowa@mail.ru
ORCID: 0000-0002-5798-5846
Saratov, Russia

DOI: 10.36340/2071-6818-2026-22-6-74-81

TEACHING CHURCH CHORAL SINGING AT THE SARATOV MARIINSKY INSTITUTE FOR NOBLE MAIDENS (SECOND HALF OF THE 19TH – EARLY 20TH CENTURY)

Summary: *On the basis of surviving sources, the article reconstructs how church choral singing was taught at the Saratov Mariinsky Institute for Noble Maidens, a subject that has not previously been studied. It shows that the program for this type of choral art combined music-theoretical and practical vocal training, and that the considerable number of obikhod chants learned by the pupils supported their work as choir directors (regents) in the house church of St. Mary Magdalene.*
Keywords: *Saratov Mariinsky Institute for Noble Maidens; teaching church choral singing; music theory; study of obikhod chants; choir directing.*

Church choral singing, which owing to its democratic nature and accessibility was widespread among various strata of society, was of great importance in the development of Saratov's vocal traditions. As one of the sources of the Russian vocal school, it fostered a distinctive culture of voice production based on softness, smoothness, a cantabile quality, warmth of feeling and subdued dynamics.

Yet despite the undoubted importance of church choral singing, no comprehensive picture has so far been drawn of how it was taught at the Saratov Mariinsky Institute for Noble Maidens, which, according to contemporaries, stood out for the most complete and progressive musical training of its pupils [1, p. 52]. Drawing on memoirs, printed accounts and archival data, the article attempts to supply this missing information.

Owing to the liberal reforms of Emperor Alexander I, a system of state and private educational institutions under various authorities began to develop steadily in Saratov from the early 19th century.

Some of them came under the Ministry of Public Education (elementary public schools, town schools, real and commercial schools, gymnasia); others, under the Holy Synod (parish schools, the Diocesan School). The Mariinsky Gymnasium and the Mariinsky Institute for Noble Maidens belonged to the Department of the Institutions of Empress Maria[1].

The Institute for Noble Maidens, which opened in Saratov in 1854 on the initiative of the local nobility, was a secondary boarding school. From its foundation the institute had three classes, each with a two-year course of study. From January 1, 1862, by Imperial command, "a six-class structure with a one-year course" was established [5, p. 35–37]. Later a seventh (junior) class was added to the six

1. The Department traced its history to the chancellery of Empress Maria Feodorovna, wife of Paul I; after her death, Emperor Nicholas I established the Fourth Section of His Imperial Majesty's Own Chancellery. It was initially called the "Institutions of Empress Maria," and from 1854 it bore the official name "Department of the Institutions of Empress Maria."

Fig. 1. The Mariinsky Institute for Noble Maidens.

in order to prepare future pupils for the entrance examinations.

Daughters of Saratov Province noblemen entered in the genealogical book of the nobility were admitted to the institute from the age of seven. On admission, certificates had to be submitted: of birth and baptism, of noble status and of health, as well as a certificate from the district marshal of the nobility attesting to the parents' insufficient means. A short examination was also held to test the candidates' knowledge of "the most significant events of Sacred History; the Ten Commandments and the basic prayers, ten in number" [5, p. 64]. The candidates were asked to perform the prayers "Our Father" and "It Is Truly Meet" in the tradition of church choral singing.

About half of the pupils, many of whom were orphans, were educated at the state's expense; the rest ("svoekoshtnye," or self-funded pupils) studied at their own expense or on numerous scholarships from the Department of Empress Maria and various private individuals.

The academic year at the institute lasted from August 15 to June 20. The rest of the time was given over to the summer vacation, during which the pupils went home.

Teaching followed the "Instruction for the Education of Pupils of Women's Educational Institutions" (1852), compiled by Prince P. G. of Oldenburg at the behest of Emperor Nicholas I, and the "General Statute of Women's Institutes" (1855) [6, p. 147]. The basis of upbringing was declared to be "the education of good wives and useful mothers of families <…>, firmly grounded from their earliest years in the conviction that belief in God is the only means of saving the soul from all the temptations of earthly existence, of attaining happiness in this life and bliss in the life to come" [5, p. 68].

According to the "Statute" of first-category women's educational institutions[2] [6, p. 6], the following subjects were taught at the Saratov institute: the Law of God; Sacred History; the Notion of the Liturgy and Other Church Services; Russian Language and Literature; Literature of Ancient and Medieval Times; French and German Language and Literature; Arithmetic; Natural History; General and Russian Geography; General History; Russian History. Instruction was also given in the "Fine Arts," which comprised Drawing, Calligraphy, Choral Singing, Music, Dancing, and Fancy and Domestic Needlework.

The Mariinsky Department recommended that the institutes engage only "the best talent" in teaching the children. Accordingly, academic subjects were taught by the most capable teachers of the Saratov gymnasia, while lectures and lessons in the "Arts" were given by specialists carefully selected by the Board of Guardians, the headmistress of the institute and the local diocesan authorities [5, p. 65].

Music education at the institute "combined piano playing and instruction in general choral, church and solo singing" [7, p. 148]. Choral singing lessons, held twice a week for two hours, were compulsory for all pupils. From 1895, weekly class choral singing lessons in the three "lower classes" were increased to 4–6 hours [1, p. 158].

The Program of the Music Course, prepared by a commission of professors of the St. Petersburg Conservatory and teachers of music subjects at women's institutes, described in detail how lessons in general choral and church singing were to be conducted. A distinctive feature of this process was that music theory was taught in the same lesson. In the view of the authors of the Program, such a syncretic approach provided a solid foundation for preparing the pupils to perform multi-part choral works. The basic skills to which the teacher's whole attention was to be directed were declared to be the development of the pupils' ear and musical memory, for which "the best means may be the singing and reproduction by the pupils of tunes they have heard, without the aid of an instrument."

2. The educational institutions of the Department of the Institutions of Empress Maria (VUIM) were divided according to social estate. Under the Statute of Women's Educational Institutions of the VUIM of 1855, there were three categories. The higher the category, the nobler the origin of the girls admitted. Accordingly, the curriculum was also fuller and more extensive.

Only after the pupils' abilities in this respect had been consolidated "may one proceed to the further study of the program" [1, p. 171].

Choral performance lessons also required work on discovering and developing the voice; forming correct breathing for singing and a high placement; evenness of timbre throughout the range; mastering "euphonious" voice production; purity of intonation; and active articulation. The ability to sight-sing a melody and the acquisition of ensemble skills were regarded as priorities.

The Program attached particular importance to the study of church singing, which "serves as a source for the development of national and religious-moral feeling" [1, p. 168]. The aims of studying church singing were practical familiarity with traditional obikhod chants and the preparation of the pupils for work as choir directors (regents).

In the junior classes, church singing lessons followed this plan: first the teacher introduced the pupils to some elements of theory (the scale, intervals, chords, note values, etc.); then work was done to improve the pupils' vocal skills, for which accessible vocal exercises were sung. Only in the last part of the lesson were the simplest prayers learned in unison ("O Heavenly King," "Our Father," "O Lord, Save Thy People," "I Believe," "We Hymn Thee," etc.).

In the middle and senior years, the theoretical foundations of music were studied in depth (key, the relationship of scales, the circle of fifths, the general concept of the chord, the resolution of chords, the concepts of modulation and of the pedal point, melody and its constituent parts, musical forms), and the pupils continued their detailed study of church melodies and the Octoechos and of the principal and festal chants: the Liturgy, the All-Night Vigil, molebens, the panikhida, etc. Exercises for developing the voice became more complex, building on the basic skills the pupils had acquired in the junior years.

In addition, the pupils were introduced to the methods of conducting a vocal lesson and to the organization and direction of a choir [1, p. 129].

The teaching aids used in lessons included A. D. Ryazhsky's "Textbook of Church Singing"; D. N. Solovyov's "A Brief Guide to the Study of Church Singing"; S. V. Smolensky's "A Course of Choral Church Singing"; V. Sychev's collection of simple choruses; Lobe's music catechism; A. I. Rubets's "A Collection of School Choral Songs for Two Equal Voices a cappella," and others [1, p. 171; 7, p. 49, 141]. E. Ya. Hájek[3], inspector and piano teacher, later recalled that there had never been any problem finding sheet music for lessons, since "there was a considerable music library" [3, fol. 4], and "the catalogs of choral singing, church and secular, listed 1,278 works worth 1,057 rubles" [5, p. 82].

As a rule, church singing at the institute was taught by regents or assistant regents serving in the best churches of Saratov. Information has survived about the following teachers: "priests: Yegor Smelovsky (1854–1858), Dmitry Petrov (1858–1878) and Alexander Sokolov (1878–1886); Alexander Yakovlevich Nachalov, a teacher at the Diocesan School (1892); German Petrovich Syromyatnikov, who had completed the regents' classes of the Court Singing Capella (1900–1901); Tikhon Ivanovich Prushkov, who had passed the examination for assistant regent at the Court Singing Capella (191–1916)," and others [5, p. 158].

Gradually a practice took shape at the institute whereby choirs were formed from the most musical pupils and those with good voices to take part in services under the direction of the teacher-regent in the institute's house church dedicated to St. Mary Magdalene. In the teacher's absence, the choristers themselves directed the choir. This approach helped the pupils to apply in practice and consolidate the choir-directing skills acquired in lessons. For example, A. M. Paskhalova[4] (a well- known singer and a professor during the early years of the Saratov Conservatory), who graduated from the institute in 1892 with the large silver medal, recalled her church singing lessons with gratitude: "I conducted the choir in church, I sang solo in the services" [2, fol. 24].

3. Emil Yaroslavovich Hájek (1886–1974) was a Czech and Serbian pianist and music teacher. In 1909, following his brother, he came to Saratov, where he performed and taught. He taught at the Saratov Music School, which in 1912 was transformed into the Saratov Conservatory, where he became professor of piano. From 1917 he served as acting director, and in 1919–1921 he was director of the conservatory.

4. Alevtina Mikhailovna Paskhalova (1875–1953) was a Russian and Soviet opera and chamber singer (soprano), teacher and musical figure. After graduating from the conservatory, she was a soloist with the Moscow Private Russian Opera in 1898–1899 and sang at the Mariinsky Theater in St. Petersburg in 1905–1908. From 1918 she taught at the Saratov Conservatory, where she became a professor and trained a whole generation of Soviet singers.

Fig. 2. The Mariinsky Institute for Noble Maidens.

Distinguished guests from St. Petersburg visited the institute fairly often. Long remembered was the visit paid to the institution in 1863, under the directress Lidia Karlovna Ernst, by the heir to the throne, Grand Duke Alexander Alexandrovich. On July 20 the Tsesarevich attended a moleben in the house church at which the pupils' choir sang, and then listened in the great hall to a concert of piano and choral music performed by the pupils [5, p. 25].

A lavish ball for the pupils was given by Prince Pyotr Georgievich of Oldenburg, head of the chancellery of the Mariinsky Department, who had come on an inspection visit in 1869. In his report to the Directorate, the prince noted, among other things, the well-organized daily life of the institution, thanks to which "the girls <…> look healthy" [4, p. 106], as well as the pupils' solid knowledge of the musical sciences.

The institute was also inspected by A. G. Bulygin, Chief Administrator of the Chancellery of the Mariinsky Department. He took particular interest in the quality of the pupils' singing of church chants during the service. From early morning the inspector was in the institute church, "where he heard the Divine Liturgy and was present at the communion of the pupils of the four junior classes." After the Liturgy the guest inspected the classrooms and dormitories and then "took tea and breakfast with the girls in the common dining room" [5, p. 107]. The official recorded his favorable impression of the visit in a detailed account of the inspection results submitted to the leadership of the Department.

Thus choral singing (divided into general and church singing) was compulsory at the Saratov Mariinsky Institute for Noble Maidens. Particular importance was attached to church singing, which helped to bring up the pupils as good future wives and mothers who followed Orthodox traditions. The instruction integrated music-theoretical and vocal training with in-depth study of the commonly used obikhod chant repertoire. The knowledge acquired enabled the pupils to take part in services and to work as choir directors in the house church of St. Mary Magdalene. The quality of instruction in church choral singing was high, as senior officials of the Mariinsky Department noted in their reports.

REFERENCES

1. Adishchev, V. I. (comp.) (2024) Istoriya otechestvennogo muzykal'nogo obrazovaniya v dokumentakh i materialakh [History of Russian Music Education in Documents and Materials]. 4th edn. St. Petersburg: Planeta muzyki [Planet of Music]. [In Russian].
2. Gosudarstvennyi tsentral'nyi muzei muzykal'noi kul'tury imeni M. I. Glinki [Glinka State Central Museum of Musical Culture] (GTsMMK). Fond 200, opis' 2, delo 5169. [In Russian].
3. Hájek (Gaek), E. Ya. (1967) Vospominaniya [Memoirs]. Manuscript. Belgrade. [In Russian].
4. Zhukova, I. A. (1998) 'Avgusteishie vizity' [Imperial Visits], Pamyatniki Otechestva [Monuments of the Fatherland], 39 (1–2): Serdtse Povolzh'ya [The Heart of the Volga Region], pp. 22–29. [In Russian].
5. Teodorovich, N. I. (1916) Istoriya Saratovskogo Mariinskogo instituta blagorodnykh devits. 1854–1916 g. [History of the Saratov Mariinsky Institute for Noble Maidens, 1854–1916]. Saratov: Tipografiya Gubernskogo zemstva [Provincial Zemstvo Printing House]. [In Russian].
6. Ustav zhenskikh uchebnykh zavedenii Vedomstva uchrezhdenii imperatritsy Marii [Statute of the Women's Educational Institutions of the Department of the Institutions of Empress Maria] (1855). St. Petersburg: Tipografiya Opekunskogo soveta [Printing House of the Board of Guardians]. [In Russian].
7. Yavgil'dina, Z. M. (2012) Istoriya muzykal'nogo obrazovaniya v Kazanskoi gubernii (vtoraya polovina XVIII – nachalo XX vv.) [History of Music Education in Kazan Province (Second Half of the 18th – Early 20th Centuries)]. Kazan: Izdatel'stvo Kazanskogo universiteta [Kazan University Press]. [In Russian].

Алла Эдуардовна Рудякова
кандидат искусствоведения
доцент кафедры истории и теории
исполнительского искусства и музыкальной педагогики
Саратовской государственной консерватории
имени Л. В. Собинова
e-mail: rudjkowa@mail.ru
ORCID: 0000-0002-5798-5846
Саратов, Россия

DOI: 10.36340/2071-6818-2026-22-6-74-81

ОБУЧЕНИЕ ЦЕРКОВНОМУ ХОРОВОМУ ПЕНИЮ В САРАТОВСКОМ МАРИИНСКОМ ИНСТИТУТЕ БЛАГОРОДНЫХ ДЕВИЦ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX — НАЧАЛО XX В.)

Аннотация: *В статье на основании сохранившихся источников воссоздаётся неисследованное до настоящего времени состояние обучения церковному хоровому пению в Саратовском Мариинском институте благородных девиц. Выявляется, что программа по данному виду хорового искусства объединяла в себе музыкально-теоретическую и практическую вокальную подготовку, а значительное число выученного церковного певческого обихода способствовало регентской деятельности учениц в домовом храме Марии Магдалины.*

Ключевые слова: *Саратовский Мариинский институт благородных девиц; обучение церковному хоровому пению; теория музыки; изучение обиходных песнопений; регентская деятельность.*

Большое значение в становлении саратовских вокальных традиций имело церковное хоровое пение, в силу своей демократичности и доступности широко распространённое в различных слоях общества. Являющееся одним из источников формирования русской вокальной школы, оно вырабатывало особую культуру звуковедения, основанную на мягкости, плавности, распевности, задушевности и приглушённой динамике.

Однако, несмотря на безусловную значимость церковного хорового пения, до сих пор не создано целостной картины состояния обучения ему в Саратовском Мариинском институте благородных девиц, по отзывам современников отличавшемся наиболее полной и прогрессивной музыкальной подготовкой воспитанниц [1, с. 52]. В статье на основании воспоминаний, печатных свидетельств, архивных данных делается попытка восполнить эти недостающие сведения.

Благодаря либеральным реформам императора Александра I в Саратове с начала XIX в. начинает поступательно развиваться система государственных и частных образовательных учреждений, имеющих различное подчинение.

Некоторые из них относились к Министерству народного просвещения (начальные народные, городские, реальные и коммерческие училища, гимназии); другие — к Святейшему синоду (церковно-приходские школы, Епархиальное училище). Мариинская гимназия и Мариинский институт благородных девиц принадлежали к Ведомству учреждений императрицы Марии[1].

Институт благородных девиц, открывшийся в Саратове в 1854 г. благодаря инициативе местного дворянства, представлял собой среднюю

школу закрытого типа. С момента образования институт имел трехклассный состав с двухгодичным курсом обучения в каждом классе. С 1 января 1862 г., на основании Высочайшего повеления, утверждается «шестиклассный состав с одногодичным курсом» [5, с. 35–37]. Впоследствии к 6 классам был добавлен ещё и 7-й (младший), с целью подготовки к вступительным испытаниям будущих воспитанниц.

В институт принимались дочери дворян Саратовской губернии с 7 лет, внесённые в дворянскую родовую книгу. При поступлении необходимо было представить свидетельства: о рождении и крещении, дворянстве, состоянии здоровья, а также — уездного предводителя дворянства о недостаточном состоянии родителей. Устраивался и небольшой экзамен, проверяющий знания кандидаток о «наиболее значимых событиях из Священной истории; 10 заповедях и первоначальных молитвах — в количестве 10» [5, с. 64]. Молитвы же «Отче наш» и «Достойно есть» предлагалось исполнить в традициях церковного хорового пения.

Около половины воспитанниц, среди которых было немало сирот, обучалось за счет казны, остальные («своекоштные») — на собственные средства или многочисленные стипендии от Ведомства императрицы Марии и различных частных лиц.

Учебный год в институте длился с 15 августа по 20 июня. Остальное время отводилось на летние каникулы, во время которых институтки разъезжались по домам.

Обучение осуществлялось по составленному по поручению императора Николая I принцем П. Г. Ольденбургским «Наставлению для образования воспитанниц женских учебных заведений» (1852) и «Общему уставу женских институтов» (1855) [6, с. 147]. Основой воспитания объявлялось: «Образование добрых жен и полезных матерей семейств <…>, утверждённых с самых юных лет в той мысли, что верование в Бога — суть единственное средство для спасения души от всех соблазнов земного бытия, для достижения счастья в сей и блаженства в будущей жизни» [5, с. 68].

Согласно «Уставу» женских учебных заведений 1-го разряда[2] [6, с. 6], в Саратовском институте преподавались следующие учебные предметы: Закон Божий; Священная история; Понятие о литургии и других церковных службах; Российская словесность; Литература древних и средних времен; Словесность — французская и немецкая; Арифметика; Естественная история; География — Всеобщая и Российская; История всеобщая; История Российская. Также обучение велось по «Изящным искусствам», к которым относились: Рисование, Чистописание, Хоровое пение, Музыка, Танцы, Изящные и хозяйственные рукоделия.

Мариинское ведомство рекомендовало институтам привлекать к педагогической работе с детьми только «лучшие силы». Поэтому преподавание учебных предметов производилось наиболее сильными учителями саратовских гимназий, а лекции и уроки по «Искусствам» вели специалисты, тщательно отобранные Советом опекунов, начальницей института и местным епархиальным руководством [5, с. 65].

Учёба музыке в институте «соединяла в себе игру на фортепиано и обучение пению общему хоровому, церковному, соло» [7, с. 148]. Уроки хорового пения, проходившие дважды в неделю по 2 часа, являлись обязательными для всех воспитанниц. С 1895 г. произошло увеличение числа недельных уроков хорового классного пения до 4–6 часов в трех «низших классах» [1, с. 158].

Программа Музыкального курса, подготовленная комиссией, состоящей из профессоров Петербургской консерватории и преподавателей музыкальных предметов женских институтов, подробно описывала процесс занятий по общему хоровому и церковному пению. Особенностью этого процесса было то, что одновременно на уроке велось преподавание теории музыки. Такой синкретический подход, по мнению авторов Программы, обеспечивал крепкую основу подготовки учениц для исполнения многоголос-

1. Ведомство вело свою историю от канцелярии императрицы Марии Фёдоровны, супруги Павла I, после смерти которой император Николай I создал IV отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии. Сначала оно именовалось «Учреждениями императрицы Марии», а с 1854 года получило официальное название — «Ведомство учреждений императрицы Марии».

2. Учебные заведения Ведомства учреждений императрицы Марии (ВУИМ) делились по сословному принципу. Согласно Уставу женских учебных заведений ВУИМ 1855 года, существовало три разряда. Чем выше был разряд, тем более знатного происхождения девочек туда принимали. Соответственно, и программа обучения была более полной и развёрнутой.

ных хоровых произведений. Базовыми навыками, на выработку которых должно быть направлено всё внимание педагога, объявлялись выработка слуха и музыкальной памяти воспитанниц, для чего «лучшим средством может служить пение и воспроизведение учащимися слышанных ими мотивов без помощи инструмента». Лишь после закрепления возможностей учащихся в этом отношении «можно приступить и к дальнейшему прохождению программы» [1, с. 171].

Также на уроках хорового исполнительства требовалось работать над выявлением и развитием голоса; формированием правильного певческого дыхания и высокой позиции; ровностью звучания тембра на всём диапазоне; усвоением «благозвучного» звуковедения; чистотой интонации; активностью артикуляционного аппарата. Приоритетными направлениями считались умение читать мелодию голосом с листа и получение навыков ансамблирования.

Особое значение Программа придавала изучению церковного пения, которое «служит источником развития национального и религиозно-нравственного чувства» [1, с. 168]. Целями изучения церковного пения были: практическое ознакомление с традиционными обиходными песнопениями, а также подготовка учениц к ведению регентской деятельности.

В младших классах уроки церковного пения проходили по следующему плану: сначала педагог знакомил учениц с некоторыми сведениями из теории (гаммой, интервалами, аккордами, длительностями нот и т. д.); затем осуществлялась работа над совершенствованием вокальных навыков учениц, для чего пелись доступные вокальные упражнения. И только в последней части занятия разучивались самые простые молитвы на один голос («Царю Небесный», «Отче наш», «Спаси, Господи, люди Твоя», «Верую», «Тебе поём» и др.).

На средних и старших курсах углублённо постигались теоретические музыкальные основы (тональность, родство гамм, квинтовый круг, общее понятие об аккорде, разрешение аккордов, понятие о модуляции, об органном пункте, о мелодии и составных ее частях, о музыкальных формах), а также продолжалось подробное изучение церковных мелодий и осьмогласий; основных и праздничных песнопений — литургии, всенощной, молебнов, панихиды и т. д. Упражнения на развитие голоса усложнялись, основываясь на базовых навыках, полученных ученицами на младших курсах.

Кроме того, воспитанницы знакомились со сведениями о методике проведения вокального урока, а также об организации и руководстве хоровым коллективом [1, с. 129].

В качестве учебных пособий на уроках применялись «Учебник церковного пения» А. Д. Ряжского; «Краткое руководство к изучению церковного пения» Д. Н. Соловьева; «Курс хорового церковного пения» С. В. Смоленского; Сборник несложных хоров В. Сычёва; Музыкальный катехизис Лобе; «Сборник школьных хоровых песен для двух однородных голосов a cappella» А. И. Рубца и др. [1, с. 171; 7, с. 49, 141]. Э. Я. Гаек[3], инспектор и педагог по фортепиано, впоследствии вспоминал, что проблем с поиском нот для проведения уроков никогда не было, поскольку «имелась значительная музыкальная библиотека» [3, л. 4], а «по каталогам хорового: церковного и светского пения числились 1278 произведений на сумму 1057 руб.» [5, с. 82].

Церковное пение в институте преподавалось, как правило, регентами или регентскими помощниками, состоявшими на службе в лучших саратовских храмах. Сохранились сведения о следующих педагогах: «священники: Смеловский Егор (1854–1858), Петров Дмитрий (1858–1878) и Соколов Александр (1878–1886); учитель Епархиального училища Началов Александр Яковлевич (1892); окончивший регентские классы Придворной певческой капеллы Сыромятников Герман Петрович (1900–1901); выдержавший испытание на регентского помощника в Придворной певческой капелле Прушков Тихон Иванович (191–1916)» и др. [5, с. 158].

Постепенно в институте сложилась практика, когда из наиболее музыкальных и отличающихся хорошими голосовыми данными учениц образовывались хоры для участия в богослужениях под руководством учителя-регента в институтской домовой церкви во имя Марии Магдалины. При отсутствии педагога хором руководили сами

3. Эмиль Ярославович Гаек (1886–1974) — чешский и сербский пианист и музыкальный педагог. В 1909 году вслед за братом приехал в Саратов, где вёл концертную и педагогическую работу. Преподавал в Саратовском музыкальном училище, с 1912 года преобразованном в Саратовскую консерваторию, где занял должность профессора фортепиано. С 1917 года исполнял обязанности директора, в 1919–1921 годах — директор консерватории.

хористки. Такой подход способствовал практическому применению и закреплению регентских навыков, полученных ученицами на уроках. Так, окончившая институт в 1892 г. с большой серебряной медалью А. М. Пасхалова[4] (известная певица, профессор начального периода деятельности Саратовской консерватории) с благодарностью вспоминала о занятиях церковным пением: «Я дирижировала хором в церкви, я пела соло в службах» [2, л. 24].

Достаточно часто в институт приезжали высокие гости из Петербурга. Надолго запомнилось состоявшееся в 1863 г. при директрисе Лидии Карловне Эрнст посещение учебного заведения наследником — великим князем Александром Александровичем. 20 июля цесаревич присутствовал в домовой церкви на молебне с участием хора воспитанниц, а затем в большом зале слушал концерт фортепианной и хоровой музыки в исполнении учениц [5, с. 25].

Роскошный бал для институток дал прибывший с ревизией в 1869 г. руководитель канцелярии Мариинского ведомства принц Пётр Георгиевич Ольденбургский. В своём отчёте в Дирекцию принц, среди прочего, отметил качественно налаженный быт в учебном заведении, благодаря чему «Девицы <…> имеют здоровый вид» [4, с. 106], а также твёрдые знания учениц в области музыкальных наук.

Инспектировал институт и главноуправляющий Канцелярией Мариинского ведомства А. Г. Булыгин. Он проявил повышенный интерес к качеству исполнения воспитанницами церковных песнопений во время службы. С раннего утра проверяющий находился в институтском храме, «где слушал Божественную Литургию и присутствовал при причащении учениц 4-х младших классов». После Литургии гость осматривал аудитории и дортуары, а затем «пил чай и завтракал с девицами в общей столовой» [5, с. 107]. Благоприятное впечатление от посещения института чиновник зафиксировал в представленном руководству ведомства подробном описании результатов инспектирования.

Таким образом, хоровое пение (делившееся на общее и церковное) было обязательным в Саратовском Мариинском институте благородных девиц. Особое значение придавалось пению церковному, способствующему воспитанию учениц как добрых, следующих традициям православия будущих жён и матерей. Обучение органично соединяло в себе музыкально-теоретическую и вокальную подготовку с углублённым изучением ходового обиходного певческого материала. Полученные знания позволяли воспитанницам участвовать в службах и вести регентскую деятельность в домовом храме Марии Магдалины. Качество обучения церковному хоровому пению было высоким, что и отмечали высокопоставленные чиновники Мариинского ведомства в своих отчётах.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. История отечественного музыкального образования в документах и материалах : учебное пособие / сост. В. И. Адищев. — 4-е изд., стер. — Санкт-Петербург : Планета музыки, 2024. — 224 с.
2. Государственный центральный музей музыкальной культуры имени М. И. Глинки (ГЦММК). — Ф. 200. — Оп. 2. — Д. 5169. — 156 л.
3. Гаек Э. Я. Воспоминания : рукопись. — Белград, 1967. — Л. 4.
4. Жукова И. А. Августейшие визиты // Памятники Отечества : ил. альм. Всерос. о-ва охраны пам. истории и культуры. — Вып. 39 (1–2/1998). Сердце Поволжья. — Москва, 1998. — С. 22–29.
5. Теодорович Н. И. История Саратовского Мариинского института благородных девиц. 1854–1916 г. — Саратов : Типография Губернского земства, 1916. — 254, II с.
6. Устав женских учебных заведений Ведомства учреждений императрицы Марии. — Санкт-Петербург : Типография Опекунского совета, 1855. — 61, [137] с.
7. Явгильдина З. М. История музыкального образования в Казанской губернии (вторая половина XVIII — начало XX вв.) : учебное пособие. — Казань : Издательство Казанского университета, 2012. — 230 с.

4. Алевтина Михайловна Пасхалова (1875–1953) — русская и советская оперная и камерная певица (сопрано), педагог и музыкальный деятель. По окончании консерватории в 1898–1899 гг. Пасхалова была солисткой Московской частной русской оперы, в 1905–1908 гг. служила в Петербургском Мариинском театре. С 1918 года преподавала в Саратовской консерватории, где стала профессором и воспитала плеяду советских певцов.